

Настоятель колхоза

Противиться всеобщему – такую форму служения избрал для себя один белгородский священник.

Сведения о том, что некий священник из Белгородской области возглавил загибающийся колхоз, впервые появились на одном из религиозных сайтов. Случай, согласитесь, не рядовой, поэтому, очутившись по редакционному заданию в тех краях, я поинтересовался у местного епископа, действительно ли такое явление имело место на подведомственной ему территории и как он относится к подобного рода активности вверенного ему личного состава. Оказалось, что относится хорошо, потому что главное в деятельности предприимчивого батюшки не руководство колхозом, а то, что на заработанные деньги он содержит богадельню – предмет законной гордости всей епархии. «Ну мы им помогаем, чем можем, – заметил владыка Иоанн, услышав о моем намерении съездить и посмотреть на колхоз и богадельню, – но они и сами молодцы».

В общем, с благословения архиерея отправился я фотокором в один из самых удаленных от города районов области – Краснянский.

Богадельня

Часа через два езды по шоссе мы свернули на асфальтированный однопуток, по которому, проехав еще километров пятнадцать, добрались до села Горки, отличающегося немалым размером. Шофер выключил мотор перед облезлым фасадом сельской церкви постройки XIX века. Ее вид никак не свидетельствовал об активной хозяйственной деятельности настоятеля, и потому первая пришедшая на ум мысль была: «Туда ли мы заехали?» Оказалось, что туда. Почти вовсе утерявший к часу дня способность сохранять вертикальное положение дедушка в гимнастерке военных лет указал нам на невзрачные домики позади храма: «Тама спросите, где отец Михаил, тама знают».

Встреченная нами за оградой женщина, судя по одежде, отдаленно напоминаяшей форменную, принадлежала к обслуживающему персоналу. Услышав, что мы журналисты, она тут же привела начальницу – энергичную даму Оксану Ярославовну Патолау, первыми словами которой были: «А мы вас с утра ждем!» Далее последовала экскурсия по близлежащим избам, превращенным в общежития для стариков. Бабушки (и немногие дедушки) в чистых халатах степенно перемещались по комнатам между телевизором и аккуратно застеленными кроватями под иконами, в контакт предпочитали не вступать, а на бодрые обращения директрисы вроде: «А чтой-то вы сегодня такая невеселая» отделялись односложными ответами. Мы были здесь явно не первыми «проверяющими» (все попытки объяснить, что мы просто журналисты, ни к чему не привели), против которых обитатели богадельни держали на всякий случай солидарную оборону.

В богадельне нашли приют примерно четыре десятка одиноких, беспомощных стариков из деревень и сел района. Оксана Ярославовна, которой отец Михаил, местный батюшка, приходится мужем, начала привечать их с 1991 года. Тогда при храме открыли благотворительную столовую. Вернее, в храм – единственный в округе – приходили пожилые люди из далеких сел, и после службы их надо было хотя бы накормить перед обратной дорогой. Постепенно тех, за кем некому было ухаживать, стали переселять в домик при храме, а в 1997 году на средства районной администрации, епархиального управления и самого же храма здесь был открыт уже постоянный «Территориальный центр социального обслуживания престарелых и инвалидов во имя св. Ксении Петербургской» со штатом 36 человек.

«Мы понимаем, что фактически это хоспис, – говорит Оксана Ярославовна. – Поэтому берем всех, вне зависимости от веры. Многие же давно утратили связь с православием, отучили их. Здесь они к вере потихоньку возвращаются, но все равно не на всех она влияет, бывают очень тяжелые характеры. И в коллективе им приходится жить, а они отвыкли – загуливают, ссорятся. Но все равно желающих сюда попасть больше, чем мы можем принять. Как только у нас освобождается место, а это, к сожалению, часто бывает, сразу везут новичка. Мы, конечно, организация социальной помощи молодая, но стараемся избежать того ужаса, который творится в домах престарелых: там люди за 2–3 недели доходят. Мы хотим, чтобы наши бабушки и дедушки пожили подольше и умерли достойно. В перспективе планируем открыть еще сиротский приют, чтобы старые дружили с малыми, – и тем и тем польза и радость, но это будет зависеть от многих

факторов, в том числе и финансового».

Колхоз

Финансовый фактор подъехал на замызганных «Жигулях», когда наша экскурсия подходила к концу. В контору богадельни, которая одновременно является штабом всего «семейного бизнеса» супругов Патола, вошел плотный пышущий здоровьем мужчина. Священника в нем выдавал только хвост на затылке, стянутый какой-то резинкой. «Ну что, Ксана, гости приехали? Здрасьте, хорошо. А ты их покормила? Нет еще? Плохо. А (звучит какая-то фамилия) тут? Хорошо. Пусть дожидается. В общем, ребята, так, мне тут надо в Богословку съездить. Вы, если хотите, поедем со мной, а хотите, тут посидите, подождите, вас покормят».

Естественно, через минуту мы уже сидели в машине батюшки. Пейзажи из окна автомобиля открывались удивительные. Никак не ожидаешь, что на плоской, как тарелка, Белгородчине можно такое увидеть. «Я из Тернопольской области, – рассказывает отец Михаил по дороге, – работал там на комбайновом заводе, отслужил в армии, потом в своем колхозе был токарем. В 83-м поступил в Одесскую семинарию, потом год был дьяконом на Полтавщине, а в 1986 году рукоположили меня в священники к этому храму. Приехал сюда – тут полный развал. А руки связаны. Потом стало полегче. В начале 90-х получили от колхоза землю гектаров 20 – для нужд прихода. С нее поначалу людей и кормил. Когда в 1997-м открывали центр, то районная администрация решила выступить соинвестором. Мы же с нее часть забот снимаем. Денег живых нам не дали, но предложили 300 гектаров. Сам я их уже не пахал, нанимал мужиков, платил им – все нормально. Колхоз здесь к тому времени уже совсем разворовали, все пили беспробудно. Ну и как-то года два назад прежний председатель меня попросил присутствовать на собрании по вопросу аренды, а его там же и турнули. Говорят, вот сидит поп Михаил, он пашет и деньги платит. Давайте его сделаем председателем. Ну я отказываться не стал. С тех пор здесь так и вожусь. А в прошлом году вот из этого села пришли, куда мы сейчас едем. У них свой колхоз был – тоже развалился. Никто работать не хочет, все пьют и воруют. Я сейчас и там тоже председатель – мы колхозы объединяем потихоньку».

«Жигуль» залетел в село, прошелестел по грязной улице и остановился перед большущим сараем. В нем человек десять чумазных работяг возились с трактором. На посторонних особого внимания они не обращали, но явно из страха при чужих случайно матюкнуться все больше помалкивали и только улыбались.

«Заканчиваете?» – «Кончаем, Романыч!» – «Завтра будет?» – «Да сегодня сделаем». – «Ну смотрите!» Романыч ведет нас в глубь сарая, чтобы похвастаться новыми дверьми, ведущими в кладовки, и самому еще раз на них полюбоваться. «Раньше здесь кто хотел, тот и ходил, все снимали. Теперь электричество обратно провели. Сторожа у меня здесь живут. Вернее, мы сюда переселенцев поместили. А что, я переселенцев беру». Это он в пику местным: несмотря на то что область занимает чуть ли не первое место в России по числу переселенцев, их здесь не больно жалуют и начальство старается ограничить их приток. Мы выныриваем из глубин сарая к мужикам, которые, похоже, уже готовы пошабашить. «Вот Петька – золотой работник, из Казахстана переехал». Петька смущенно опускает глаза. «Мы за этот год восемь семей взяли. Лучшие работники. Нам бы еще таких». Отец Михаил строго смотрит на меня: «Если знаешь кого, присылай. Только чтобы трезвые были и работники. Мне нахлебники не нужны. Домов мы, правда, сразу не даем, но поселить найдем где».

Другое служение

Часа три еще мы мотались по округе. Отец Михаил показывал свое хозяйство и заодно его инспектировал. Наконец вернулись в Горки, и хозяин потащил в школу, стоящую недалеко от церкви, за пустырем. Белого силикатного кирпича здание, построенное в разгар перестройки. Последние деньги, вложенные государством в село, на которые успели что-то сделать. Все, что приходили потом, аккуратно разворовывались. В школе местная достопримечательность – уголок природы. Облезлые чучела скалятся за витринами. Экспозиция не хуже, чем в ином областном музее, но нужны новые лампы, которые завуч безуспешно пытается выбить из председателя.

Здешнего преподавателя труда отец Михаил называет Эдуардычем: «Настоящий немец, честное слово». Тоже переселенец откуда-то с востока. Он учит детишек строить макеты кораблей, работать на токарном станке и перебирать зилевские моторы. По тому, как обращается к нему председатель, видно, что Эдуардыч входит в число его доверенных лиц. Отец Михаил в школе чувствует себя хозяином. Подходит учительница, спрашивает, когда будут обещанные деньги, чтобы отправить детей на экскурсию.

«Будут, на следующей неделе будут, – отвечает председатель. – Сейчас нет, но должны перечислить».

Мы отправляемся на новый объект. В пятидесяти метрах от школы – здание бывшей колхозной столовой. Внутри знакомое запустение, но в дальних комнатах трое молчаливых парней заняты ремонтом. Романыч смотрит, как продвигается дело, дает указания, и мы выходим. «Эти из Закарпатья. Второй сезон у меня работают. В прошлом году делали мастерскую, а в этом думал-думал, что бы им поручить. И вспомнил про столовку. Она лет пять уж как закрылась. А мне своих работников обедом кормить где-то надо. К осени сделают, и я зимой обеспечу обед в нормальных условиях. Плохо ли?»

Наконец доходит очередь до храма. Отец Михаил долго ищет ключ, входим – типичная деревенская церковь, скромная и уютная: «Давно пора купол менять, да все некогда». Не сомневаюсь, что свои пастырские обязанности отец Михаил исполняет с тем же рвением, с каким руководит колхозом, но все же путь, которым идет этот батюшка, нельзя назвать каноническим. Нигде не зафиксированный, но мертво сидящий в головах священников список приоритетов повсеместно один и тот же: храм (строительство или реконструкция), дом причта, то есть свое собственное жилье, колокольня, двор (привести в порядок и замостить). Ну и «духовное окормление», которое каждый понимает как хочет, – основная масса ограничивается праздничными и воскресными службами да визитами в соседний приют, наносимыми хорошо если по несколько раз в год.

Отец Михаил, личным примером демонстрирующий, что настоятель может и должен не жить за счет прихода, а зарабатывать на жизнь самостоятельно, что проповедь – это не только слово, но и дело, сам, вероятно, того не сознавая, являет собой новый, не привычный пока для России тип священника. Находится не рядом, а среди людей – в этом он видит свое служение. Как в Европе и Америке, где священничество по сути хобби, – все пастыри (в том числе и православные) там, как правило, имеют вполне мирские профессии, причем иногда и не одну, а несколько, и живут за счет них. Там священник, проповедующий товарищам по цеху в перерыве между сменами, – дело обычное.

Выживание

Сумерки, конец делам. Мы возвращаемся в богадельню. За скучным конторским помещением скрывается, как оказалось, роскошный по местным меркам зал для приемов. Ковры, искусственный фонтанчик, громоздкая мебель, щедро накрытый стол. Великий пост, поэтому хозяева обходятся без мяса, но на гостей – меня с фотокором и первого зама Романыча, бывшего парторга колхоза, как будто сошедшего с советского плаката, – это не распространяется. За беседой об «аграрной политике» незаметно уговариваем бутылку. Пора трогаться, до Белгорода два часа на машине, но хозяева держат. Религиозных тем не касаемся, главное, что интересует моих собеседников, – цены на зерно и свинину в столице. И еще они хотят, чтобы им объяснили, почему московские политики «не защищают интересы отечественного производителя». Аргументы в пользу свободного рынка не принимаются на дух: она-то, эта свобода, и подрывает «продовольственную безопасность страны». Не хочется напоминать гостеприимным хозяевам о голодном 1990-м, очередях и прочих прелестях государственного регулирования.

Разобравшись с рынком, Романыч принимается честить тех, кто ратует за свободную куплю-продажу земли. Возражать бесполезно, а ведь этот человек является фактическим хозяином тысяч гектаров чернозема.

Обвиняя других в нечестной конкуренции, отец Михаил совершенно не желает принимать в расчет, что на старте он имел преимущества – ведь земля, причем какая, досталась ему даром.

Любительское, при отсутствии серьезного аграрного и финансового образования, хозяйствование способно с помощью переселенцев и наемных рабочих из других регионов оживить чахлое деревенское болото. Да, теперь это колхоз, где есть три новых дома, свет и двери в коровнике. На следующий год там, наверное, проложат два километра асфальта, научат доярок использовать одноразовые перчатки, откроют восстановленную столовую и купят два трактора. Ну лет через пять оба села из состояния полной деградации вернутся к советскому уровню благосостояния и трудовой культуры. И что, даже от той же Польши их будут по-прежнему отделять десятилетия развития. И это еще в том случае, если председатель не переругается с местными, если не начнут по ночам жечь построенное и восстановленное и подсыпать сахарный песок в топливные баки, а власти и епархия продолжат вкладываться в благотворительность.

Конечно, когда в полную мощь заработают частные сельхозпредприятия (такие же колхозы, но те из них, в которые вложились белгородские металлургические бароны), вопрос о выживании встанет перед председателем очень остро. Перепроизводство агропродукции в России уже на повестке дня: хозяйства советского типа, из тех, что держатся на плаву исключительно за счет личных качеств руководителя (как тут не вспомнить фильм «Председатель»), сохраняют не много шансов выжить в конкурентной борьбе.

Что же касается благотворительной деятельности супругов Патолов, то за нее, пожалуй, беспокоиться не стоит.

«Социальный проект» Оксаны Ярославовны и отца Михаила будет жить и развиваться. Слишком многие заинтересованы в его существовании. Для епархии центр в Горках – самый лучший образец социального служения, который «закрывает отчетность» по этому направлению деятельности. Для областных властей – это крупное гуманитарное начинание, о котором можно упомянуть в подобающем случае или предложить для осмотра заезжим журналистам. Для районных – по-видимому, просто предмет гордости. Несомненно, что, даже если дела у колхоза пойдут не шибко хорошо, для богадельни и открывающемся при ней детском доме всегда найдутся и бюджетные средства, и близкие к властям или епархии спонсоры.

Николай Митрохин

Автор: Артур Скальский © Еженедельный журнал РЕЛИГИЯ, МИР 👁 2862 11.10.2002, 00:00 📄 261

URL: <https://babr24.com/?ADE=4095> Bytes: 14594 / 14508 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)